

**ТАЛАНТЛИВЫЕ ЗАПИСИ
ОПОЧЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕЧИ А. И. БЕЛИНСКИМ
И «ПСКОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СЛОВАРЬ»
(сохранению памяти о людях)**

Псковский краевед-историк Александр Иванович Белинский (1886–1977 гг.), выпускник Петербургского университета, оставил большое рукописное наследие: талантливо написанные воспоминания о своей жизни и о людях Псковской земли, прежде всего Опочецкого уезда (района). Эти произведения, как и специальные очерки о народной речи, содержат тонкие наблюдения об опочецких говорах. В статье представляем знакомство с одним из ценных источников для «Псковского областного словаря с историческими данными» — с записями псковских говоров 20-х годов XX века.

Ключевые слова: псковские говоры, диалектные особенности разных уровней, фольклор, отражение древних особенностей.

L. Kostiuchuk

**TALENTED RECORDS OF THE OPOCHKA FOLK SPEECH BY ALEXANDER
BELINSKY AND «THE PSKOV REGIONAL DICTIONARY»
(dedicated to commemoration of people)**

Alexander Belinsky (1886–1977), a local historian and a graduate of Petersburg University, left the profound written heritage: talentedly written reminiscences of his life and the Pskov land people, particularly, of the OPOCHKA District. These writings, as well as special essays on the folk speech, include subtle remarks about the OPOCHKA dialects. The article acquaints with the records of the Pskov dialects of the 1920s, which is the precious source for the «Pskov Regional Dictionary with Historic Data».

Keywords: Pskov dialect, dialect peculiarities of various levels, folklore, representation of old peculiarities.

В 1979 году в выпуске 4 уникального «Псковского областного словаря с историческими данными», создающегося с 50-х годов XX века по замыслу Б. А. Ларина коллективом словарников Ленинградского (С.-Петербургского) университета и Псковского государственного педагогического института (Псковского госуниверситета) [5, в. 1, с. 3], есть запись, что появился новый источник сведений для словаря — тетрадь А. И. Белинского с записями диалектной лексики, сделанными в начале XX века в городе Опочке и Опочецком уезде. Хранятся записи в Межкафедральном словарном кабинете (МСК) имени профессора Б. А. Ларина [6, в. 4, с. 4]. Во втором варианте «Инструкции Псковского областного словаря» в 2004 году сведения об этом источнике уточнены и дополнены тем, что решили следующим образом па-

спортизировать иллюстрации в тексте словаря, поступающие от А. И. Белинского: «*Белинский. Оп.*»; сообщается имя автора записей («*Александр Иванович*»); приводятся краткие данные об источнике («*34 с. рукопись*») [4, в. 15, с. 55]. Как один из составителей словаря я имела возможность работать с карточками, расписанными из этой тетради А. И. Белинского. И всегда мне хотелось что-то узнать о человеке, который, судя по текстам из его записей, был внимателен к народным словам и сумел точно передать план выражения и через контекст проявить план содержания (значения) слов в этом контексте. Оставалось прекрасное впечатление от автора записей даже как о лингвисте: у него всегда хорошее окружение для слова, обязательное ударение, передача буквенными знаками соответствующего произношения, которое уловил записывающий.

При работе аспирантки Н. Ю. Таратыновой в начале XXI века над свадебной лексикой в псковских говорах [7], конечно, мы обнаружили в псковском краеведческом издании первых десятилетий XX века публикацию статьи А. И. Белинского о свадебном обряде в Опочецком уезде [1, с. 82–91]. В статье использовалось большое количество фольклорных произведений с хорошим отражением специфики опочецких слов. Было понятно, что фольклорные произведения, с одной стороны, подтверждали соответствующие этапы свадьбы, названия свадебных чинов, традиции свадебных обрядов и многое другое, о чем писал А. И. Белинский. С другой стороны, устное народное творчество было и источником, материалом для исследований самого А. И. Белинского в области не только народной речи, но и жизни опочецких крестьян.

Когда же Александр Владимирович Кондратеня, известный псковский краевед, знаток Опочецкого края, привлек меня подготовить к печати замечательные рукописи А. И. Белинского, я увидела, какое это богатство уникальных сведений о том времени (20-е годы XX века), когда говоры еще были более живыми и сильными. И записывал их человек, знающий народные обычаи. А через талантливые произведения этого человека (воспоминания, рассказы, повести) можно было узнать об авторе. Особенность творчества А. И. Белинского — создавать яркие произведения и умелым изложением событий, живописным созданием портретов действующих вокруг автора лиц показывать свои «плюсы» и «минусы», свои переживания, отношения к близким и посторонним. И звучит замечательный русский язык — и литературный, и народный!

Обратимся к тому, какие сведения о псковском народном языке сообщает А. И. Белинский в очерке «*Характерные особенности говора крестьян Опочецкого уезда (района), Псковской губернии (области) (1920–1930-е гг.)*».

А. И. Белинский затрагивает лексические, фонетические, морфологические особенности, в меньшей степени синтаксические. Таким образом, будучи не лингвистом, автор записей в фиксации, а затем в описании говора интуитивно верно приводит членение структуры языка.

Не случайно названный очерк начинается с сообщения и рассуждения о словах — о существительном *скоба́рь* и прилагательном от него *скопско́й*. Часто прозвище жителей определенных регионов, идущее «со стороны» как проявление отношения к «чужому», несет негативную сему. Наблюдается это и в случае со словом *скоба́рь*. Но А. И. Белинский подчеркивает, что «*так сам себя называет уроженец Псковского округа*»; значит, исходно нет в этой «*общеизвестной*» «*кличке*» мину-

са. Но сами псковичи «без всякого стеснения употребляют, когда надо выругаться, сказать собеседнику неприятное», так как слова с указанным корнем «сделались предметом поношения, синонимом невежества, как когда-то и «пошехонец»». Из отрицательных же черт отмечают обычно, что **скобарь** — увалень, стал «синонимом лени, нерасторопности и в то же время разбойной удали, лукавства и т. д.».

Уже читая о других, не лексических единицах, характерных для опочецких говоров, в замечательных народных примерах, отмечаешь характерные для народной речи слова. А в конце очерка А. И. Белинский пишет: «В речи крестьян Опочецкого уезда немало диалектизмов». И далее приводятся большим списком эти слова. Приведем этот фрагмент очерка полностью, так как он представляет большую ценность для тех, кто занимается псковскими говорами и составляет словарь:

«В речи крестьян Опочецкого у.[езда] немало диалектизмов: **журавины** (клюк-ва), **брусницы** (брусника), **кру(ы)жэвник**, **блiцы** (грибы), **горянки**, **горяшки** (сыроежки), **петушкi** (лисички), **козьякi** (маслюкi), **абабки** (подберёзовики), **чернiш** (абабок), **баркiн** (морковь), **кiлика** (брюква), **хрён** (хрен), **хрiпа** (листья капусты и др. овощей), **тiна** (картофельная зелень), **жiто** (ячмень), **кокiра** (ржаная лепёшка), **завитiшки** (фигурное пшеничное печенье), **алiкиши** (пшеничное печенье), **барiнки** (крендели), **перехiатка** (завтрак), **смодёл** (проголодался), **подволiка** (чердак), **подiшка** (подоконник), **наличники** (наружные украшения около окон), **зень** (пол, земля — «сядь на зень»), **прикрiлек** (крыша над крыльцом), **подiзбица** (подвал), **сiни** (коридор), **шестiок** — **ошiсток** (припечек), **голiанка** (печь с плитой), **пiуня** — **пiунька** (небольшой сарай для сена и соломы), **устiенок** (подвал), **ля(е)нiха** (лежанка, полати), **клеть** (амбар), **истiепка** (чулан под полом), **крiнка**, **муравлiшка** (небольшая глиняная посуда), **лiтка** (глиняная посуда для приготовления жаркого), **рукомiйник** — **рукомiйка**, **гилiк** (умывальник), **клюка** (кочерга), **скобi** — **скобка** (ручка у дверей), **корiец** (ковш), **поварiшка** (суповая ложка), **нiготь** (ноготь), **брiохо**, **пiузо** (живот), **башкi** (голова), **лiтки** (икры в ногах), **поджiлки** (сухожилия в коленях), **линiйка** (выездной экипаж на четырех колёсах), **барiтки** (полуботинки), **гiшник** (пояс в штанах), **станiуха** (женская рубашка), **порткi** (верхние и нижние штаны), **диiнки**, **испiдки**, **дьянки**, **дьянiцы** (варежки), **тiони** (лапти из тонких веревок), **омиiник** (глухарь), **петiун** (петух), **калист**, **батьiн** (аист), **невжiаль** (неужели), **аномнясь** (недавно), **iжна**, **iжна** (даже), **лешiла** (проводила границу борозды), **похает** (стучит, громко звучит), **мiченка** (маковый цветок), **стежiнка** (стега, тропа), **мастiнка** (корзинка), **серiанки** (спички), **дровiшки** (маленькие санки, салазки), **кляц** (обрубок), **ша(и)шiок** (черт), **огурень** (лентяй), **хряпiота** (кашель), **лупiтки** (глаза), **зепать** (кричать), **касiля** (плуг), **лядiна** (молодая роща), **вiкша** (белка), **двiожжы** (дважды), **не лiдимши** (нечаянно), **цубiк** (трубка), **склiнник** (перочинный нож), **облiжно** (ложно), **подьялдыкнул** (зацепил, подъязвил), **мень** (налим), **тярпiуз**, **подпiлок** (напильник), **драбушшина** (мясо), **тiямлю** (помню), **чiсельник** (отрывной календарь), **капiшiк** (кисет для табаку), **вир** (омут), **гляя** (рыбья чешуя), **пороз** (бык), **дристiуха** (понос), **рецавинка** (ручей), **сиклiуха** (мелкий муравей), **балiцiна** (облако), **мутрец** (полукастрированный), **дрiызнуть** (ударить), **лядiщий** (худенький), **лупiтки** (большие глаза), **справный** (здоровый), **домiаха** (хозяйка в доме), **кашнiяк** (ласточка), **блiаха** (противень), **облапiшить** (обмануть), **ошарiшить** (ударить), **звизданiуть** (ударить), **подрiचितь** (погладить), **iва** (вот, здесь), **сiгод** (давно), **мускiрный** (брезгливый), **допрiм** (правда), **пузырь** (стекло для лампы), **волiжить**

(маслить), *стряка́ва* (крапива), *благóй* (худой), *блажнóй* (беспокойный), *на́духа* (насморк), *зыкать* (бегать), *не цецэ́нья* (не упрямся), *подгнёт* (лучинка для растопки), *не ўма* (невдомёк), *рундóк* (крыльцо), *погáник* (змея), *нагды́сь* (недавно), *тjúшка* (дырка) и др.»).

В этом фрагменте каждое народное слово поясняется А. И. Белинским в скобках. Расписав эти слова на специальные словарные карточки, составители «Псковского областного словаря» проверяют наличие / отсутствие их в Картотеке ПОС («Псковского областного словаря»), справедливо надеясь на достоверное пополнение материалов (слов и словоформ), необходимых для словарных статей.

Известно такое фонетическое явление в народной речи, как «цоканье / чоканье» — типичное как раз для псковских говоров. Вспомним присловье: «*От Опоцки три верстоцки...*», — в котором вместо звука [ч' / ч] произносится звук [ц]. Однако в современных псковских говорах начала XXI века мало встречаешь в диалектологических экспедициях эту черту. В 20-е же годы XX века она, конечно, была яркой как «опознавательный знак», например, опочецких говоров. И А. И. Белинский справедливо отмечал:

«Ещё интереснее, что широкой известностью стало пользоваться характерное в наречии «скобаря» и особенно опочецкого крестьянина «ц».

Я неоднократно убеждался, что цоканье вызывало насмешливые реплики крестьян и рабочих Орловского, Казанского округов. В вагоне, услышав, название станции Опочка, сейчас же начинают зубоскалить:

— А, Опоцка... От Опоцки три верстоцки, а то и вси цатыри...

Значит, нас уже далеко знают, а потому стоит поговорить о нашем говоре».

А. И. Белинский подчеркнул, что сообразительный диалектоноситель сам оценивает такое произношение как некрасивое. Подтверждением, как всегда у А. И. Белинского, звучит народное творчество:

«Крестьяне чувствуют, что они говорят неправильно. В частушке они поют:

*«Хараша наша дяревня —
Настоящее сяло (село),
Няхарошая привыцка —
Гаварять: цаво, цаво»».*

Как, действительно, талантливый собиратель сведений о народной речи, хотя и не как специалист, А. И. Белинский пишет:

«Стараясь избавиться от этой «нехорошей привычки», они допускают другую фонетическую ошибку, которая также режет слух грамотного человека: употребляют звук «ч» там, где ясно слышится «ц»: курица, птица, черква, серче, агуреч и др. (вм. [есто] курица, птица, церковь, сердце, огурец):

*«Сястрича мая,
Ты мяня ня бойся,
Я тябя ня трону,
Ты ни биспакойся»».*

И то, что А. И. Белинский отметил так называемое явление «гиперизма», когда носитель диалекта, стараясь произносить «правильно», с его точки зрения, включает звук туда, где ему не место, свидетельствует о том, что историк выступает как образованный филолог, понимая особенности и языка. Психолингвистический подход к речи хорошо объясняет это явление. В более дальних пунктах своих наблюдений-

выводов о своеобразии опочечских говоров А. И. Белинский приводит пример *крыжа* вместо *крыша* (ср. произношение слова *ножка* со звуком [ш] на месте буквы «ж»), но потом появляется произношение в другом слове *ножек* со звуком [ж].

И другие важные черты псковских говоров А. И. Белинский не обошел своим вниманием:

- произношение [ши] вместо [ш'ш'] (*шшы*, *шшу́ка*);

- мена звуков [с] и [ш] на [х] (*мяха́ть* с яканьем вместо *мешать*; *апахать* вместо *опоясать*; *хвисток* вместо *свисток*);

- мена звука [ф] на [х] (*харсу́н* вместо *форсун*; *хи́гура* вместо *фигура*) и, наоборот, мена звука [х] на [ф] (*филига́н* вместо *хулиган*; *фу́тор* вместо *хутор*).

А. И. Белинский пытается это объяснить, обращая внимание на сочетание звуков: по его мнению, использование [ф] вместо [х] чаще перед гласными.

Отмечает А. И. Белинский и замечательное явление: именно в корне *цвет-* произносится звук [к] вместо [ц]: *квет*, *квято́к*, *заквёл*. Это, как и некоторые другие из отмеченных ученым особенностей псковских говоров, очень древнее, уникальное явление, известное именно в псковских говорах (и в некоторых новгородских, близких к псковским). Сохранение [к] в указанном корне известно западно-славянским языкам, например польскому (*kwiat* в значении 'цветок' как сохранение исконного звука [k]), в отличие от общерусского (во всех других регионах) и в русском литературном языке: ср. *цветок*, *цвести* и др.

Научное объяснение этому пришло только в 60-е годы XX века сначала в нашем пединституте, на кафедре русского языка, благодаря уникальному открытию С. М. Глускиной: открытие касалось того, что в древнем говоре предков псковичей не состоялась вторая палатализация заднеязычных согласных, следы «несвершения» которой сохранились в рефлексах древних корней *кеп-*, *кев-*, *кед-* (*кеп* вместо *цеп*; *кёвка* вместо *цёвка*; *кед́ить* вместо *цед́ить*), а также в ряде словоформ, отраженных в древнепсковских памятниках [2, с. 20–43]. С выводами С. М. Глускиной через много лет согласился А. А. Зализняк, сделавший независимое подобное открытие, изучая новгородские берестяные грамоты, памятники письменности. А. А. Зализняк это открытие назвал «эффектом Глускиной» в истории русского языка, а с учетом такого свойства в древних говорах создал теорию «древнего псковско-новгородского диалекта» в доисторический период (например, [3]).

Естественно, что план выражения (произношение звуков — гласных и согласных) в народных словах не мог не заинтересовать такого внимательного ученого, интересующегося народной речью, каким был А. И. Белинский. Он был наблюдательным во всех сферах жизни, умел делать выводы. Поэтому обобщения фиксируемого материала с рубрикацией пунктов наблюдения помогают и сейчас высоко оценить очерк ученого-краеведа.

Точно, грамотно называет А. И. Белинский части речи, которые в некоторых падежах имеют необычные одинаковые окончания. А. И. Белинский пишет под пунктом «32»:

«32. Творительный и дательный падежи мн. [ожествленного] ч. [исла] имен существительных, прилагательных, местоименных и счётных прилагательных варьируются одинаково: «таким словам», «вверх ногам», «с богачам», «водиться с нам», «с первым рядам»:

«Миламу письмо писала
Не чернилам, а слезам,

*Коль ня веришь маей скуки,
Приезжай скарея сам»».*

И везде А. И. Белинский старается дать подтверждение фактов контекстами из народной речи, включая и фольклорные произведения. Тем самым еще более ценным является оставленное наследие краеведа и, к счастью, сохранившееся благодаря усилиям ряда людей, ценивших дело Александра Ивановича.

Логично обобщая материал, А. И. Белинский показывает, что может наблюдаться и обратная мена форм падежей (правда, более редкая):

«33. Иногда в дат. [ельном] падеж. [еже] употребляется окончание творительного падежа: «пришёл к вами», «здравствуйте к вами»».

Ценен следующий пример с глаголом, который фактически демонстрирует древнейшее явление, характерное опять-таки именно для псковских говоров как пограничных с другими языками, в частности с балтийскими, где сочетания согласных [kl], [gl] типичны: это словоформа «*сустрёкли*». В форме прошедшего времени обнаружено звуковое сочетание [кл] вместо закономерного в корне звука [m] (ср. *встретить*), который в глубокой древности исчез в сочетании *tl (t — в корне, а l — суффикс прошедшего времени). Таким образом в псковских говорах и в этом случае не произошел общевосточнославянский (в частности, и русский) процесс упрощения древних сочетаний *tl (указанный случай) и *dl (ср. в псковских летописях: *всегли* вместо *всели*; в современных говорах еще встречается *мочигло* вместо *мочило*), в польском языке, например, такого процесса не было: ср. *mydło* в значении 'мыло'. «Соседство» с балтийскими языками способствовало сохранению первого взрывного переднеязычного согласного перед древним *l, но это «соседство» и заставило перенять балтийские сочетания с первым звуком (заднеязычным) *k или *g. Об этом еще говорил в своих лекциях по исторической диалектологии А. А. Шахматов [8, с. 53–55]; использовал такую уникальную черту псковских говоров А. А. Зализняк для обоснования и теории древнего псковско-новгородского диалекта [3, с. 44–45].

Значимость записей псковской народной речи А. И. Белинским и в том, что он, будучи заинтересованным во всем, что делал, не пропускал фактически ни одного важного и необычного факта, касающегося опочецких говоров. И о рассмотренном случае А. И. Белинский высказался так:

«64. Глагол *встретили* выговаривается двояко: «*сустрёкли*», «*встрёли*»».

Из морфологических особенностей замечено А. И. Белинским или отсутствие звука [m] в окончании глагола третьего лица единственного числа (*нясе́, бяре́, дяре́, трясе́; хóдя, вóдя*), или произношение мягкого звука [m'] (*идёть, хóдить*). Это отмечено ученым-краеведом и в третьем лице множественного числа (*говоря́ть, иду́ть, хóчуть*).

Из морфолого-синтаксических особенностей, конечно, отмечена важная особенность псковских говоров, как и некоторых других на Северо-Западе, связанная с выражением сказуемого своеобразными деепричастными (для современного языка) формами:

«78. Прошедшее время часто выговаривается в форме деепричастия («*пришёвши*», «*прилятевши*», «*вмёрши*» или даже «*пришёлиши*», «*вбóлиши*»»).

Своеобразны формы сказуемого в форме страдательного причастия прошедшего времени с проявлением несогласования с подлежащим:

«34. Часто в произношении страдает согласование сказуемых с подлежащими («кни́га **раскры́т**», «стол **постáвлена**», «авёс **ско́шена**», «окно́ **вы́ставлен**», «брат **взя́т** в солда́ты», «Ива́н **пóслана** за конём»).

«Наши белыи куряты
Палятели за ряку,
За рякой авёс и жито,
Там милёначик **нажито**»».

В последнее время замечено: если в говорах используется такая форма причастия, то чаще это неизменяемая форма причастия, формально совпадающая с формой мужского рода. А у А. И. Белинского зафиксированы формы, стремящиеся тоже быть общими (без строгого согласования) для разных подлежащих, но менее закрепленные. Однако общая тенденция проявляется и в этих примерах: важно передать так называемое перфектное значение того действия, состояния, которое могло бы быть выражено глаголом с тем корнем, с которым употреблено и страдательное причастие.

Причем все примеры в прозаических текстах у А. И. Белинского — с переходными глаголами, а в стихотворном фольклорном тексте («Там милёначик **нажѣто**») — образование от непереходного глагола **нажѣть** в значении 'долго жить'.

В последнее время, особенно в зарубежной славистике, наблюдается попытка выяснить разные случаи перфектного значения при выражении предиката (с учетом формообразования, синтаксической конструкции и т. д.). Но, как показывает и научная встреча в научно-университетском Норвежском центре в С.-Петербурге, стремление разработать типологию подобных средств выражения, особенно в пограничных регионах для русских говоров с другими языками, без наличия большого количества материала, без хорошего знания истории языка, в частности русского (чтобы не говорить, что, например, «перфект, переходил в аорист»), с разными в прошлом судьбами у языков — не очень удачно и не надежно. Тем более, что в современных говорах не так часто теперь встречаются предикаты с причастиями.

Александр Иванович Белинский понимал, что разговор о языковых особенностях говоров необходимо вести на базе доказательных реплик и надо стремиться фиксировать диалектное своеобразие народной речи.

Заканчивает он очерк о характерных особенностях опочецких говоров замечательным примером диалога, который приведен у него в его воспоминаниях о своей жизни.

Пользуясь случаем, приведем и мы этот диалог — яркую страницу из жизни людей почти столетней давности, сопровождаемую ценными для диалектолога, историка языка и краеведа интонациями подлинной народной речи Псковской земли:

«Речь опочецкого крестьянина имеет и другие не столь ярко выраженные особенности, делающие говор не очень красивым и даже не всегда понятным для непривычного слушателя.

Чтобы составить более цельное впечатление об особенностях говора сельского населения Опочецкого уезда, приведу один рассказ женщины, жаловавшейся станововому приставу на священника, начинившего дрова порохом, так как соседи воровали его дрова. Передавала свою жалобу она так:

— Прихожу ета в Глубокая (с. Глубокое) к станововому и гаманю (говорю): «Кормилиц! А намнясь (на днях), пришёлши с работе, думаю: дай затаплю пецку, пока мужуки ни вярнулись с поля, картохе наварю. Пригашила (приготовила) гаршецки с

картохуй, засыпала крупич в другой цугунок, слажила дравишки, запалила луцыну (лучину), впахнула под дрóвы, сама на скамейку села. Только ета я собралась цугунки в пецу задвинуть, как шлапане, как шлапане (шлóпнет); гаршецки, што были на припецицки, так в ашшарёпачки (черепки) и сабрала. Я, как нявумная, на вулицу вывалилась, думала, что няцыстая сила заиграла. А тут разам как йирванé, ажна труба абрушилась, и крыжу на старану́ свярнула.

— Так что ж ты хочешь? Чинить избу я не пойду.

— Вот я и пришла пажалитца.

— На кого? На нечистую силу?

— Ды не. Дровы я с-пад (из-под) навети в суседа взяла, всяво три плашки на растопку, а яны, стала быт, порахам нацынён были. Таперица столько вубытку: цугуны пакупай, пецу и кровлю цыни; никак са сревствиям ни сабратца. Няльзя ль с яво поискать, с суседа-то. Ета вон (он) йименна с намериньим ззелал (сделал).

— А кто ж твой сосед?

— Ды, как табе сказать. Гля мяня он цилавек ни худой был.

— Ну, чего ж ты? Говори, языка не оторву.

— Ды, стала быть, поп Йиван. В яво адин кастёр разобрали, вот ён и встроил канитель, али мальцы явоныи (его)... Все суседи саветajúть жалитца на яво. Вот я и пришла.

— Так ты воровала дрова, а теперь жаловаться пришла?

— Я ж всяво три палешка и принясла. А то всё Митрахановы ды (да) Дёмкины размутырили (растаскали). Аны и в город целым вазам вазили... Ззелай божецкую милась, памаги...

— Хорошо, я составлю протокол и на попа, и на тебя. Попа осудят за порох, а тебя за дрова. Только тебе, думаю не заплатят, а ему за костры с тебя присудят.

— Знацыть, яво в астрог, а с мяня деньги. Тады хвароба яво забяри, ни пиши бумагу. Пусь яму́ глаза вывярня, пусь (пусть) яму харомы няцыстый растрясé, пусь...

— Как знаешь, а только тебя не похвалят.

— Ну, тук (так) я пайду, спасиба, что навцыл (научил)... Во гад надумал... Етакую совесь паимел... Таперь ацухатца (очухаться) ни маги... До свиданыца... Во йирятки (еретик)... Галоушка мая бедная...».

А закончим статью выражением благодарности судьбе, позволившей получить в руки рукописи Александра Ивановича Белинского.

Благодаря знакомству с рукописями талантливого человека, отразившего и народную речь своего Опочецкого края первой трети XX века, составители «Псковского областного словаря с историческими данными» имеют замечательные материалы уважаемого автора и исследователя псковских говоров 20-х годов XX века для пополнения Картотеки «Псковского областного словаря» и для введения живого, сочного иллюстративного материала в соответствующие словарные статьи.

Литература

1. Белинский А. И. Свадебные обычаи, обряды, приметы среди населения Опочецкого уезда // Познай свой край: Сборник Псковского общества краеведения. Вып. 2. Псков, 1925. С. 82–91.
2. Глускина С. М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров) // Псковские говоры. II: Труды второй Псковской диалектологической конференции 1964 года. Псков: ПГПИ, 1968. С. 20–43.

3. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 1994.
4. Инструкция «Псковского областного словаря с историческими данными» (2-я редакция) // Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 15. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 5–67.
5. Ларин Б. А. [Вступление] // Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1. Л.: ЛГУ, 1967. С. 3.
6. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–24... Л. / СПб.: ЛГУ / СПбГУ, 1967–2013...
7. Таратынова Н. Ю. Лексика свадебного обряда (по материалам псковских говоров): Автореф. дис ... канд. филол. наук. Тамбов, 2008.
8. Шахматов А. А. Русская диалектология: лекции / Под ред. Б. А. Ларина. С приложением очерка «Древнейшие судьбы русского племени». СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010.